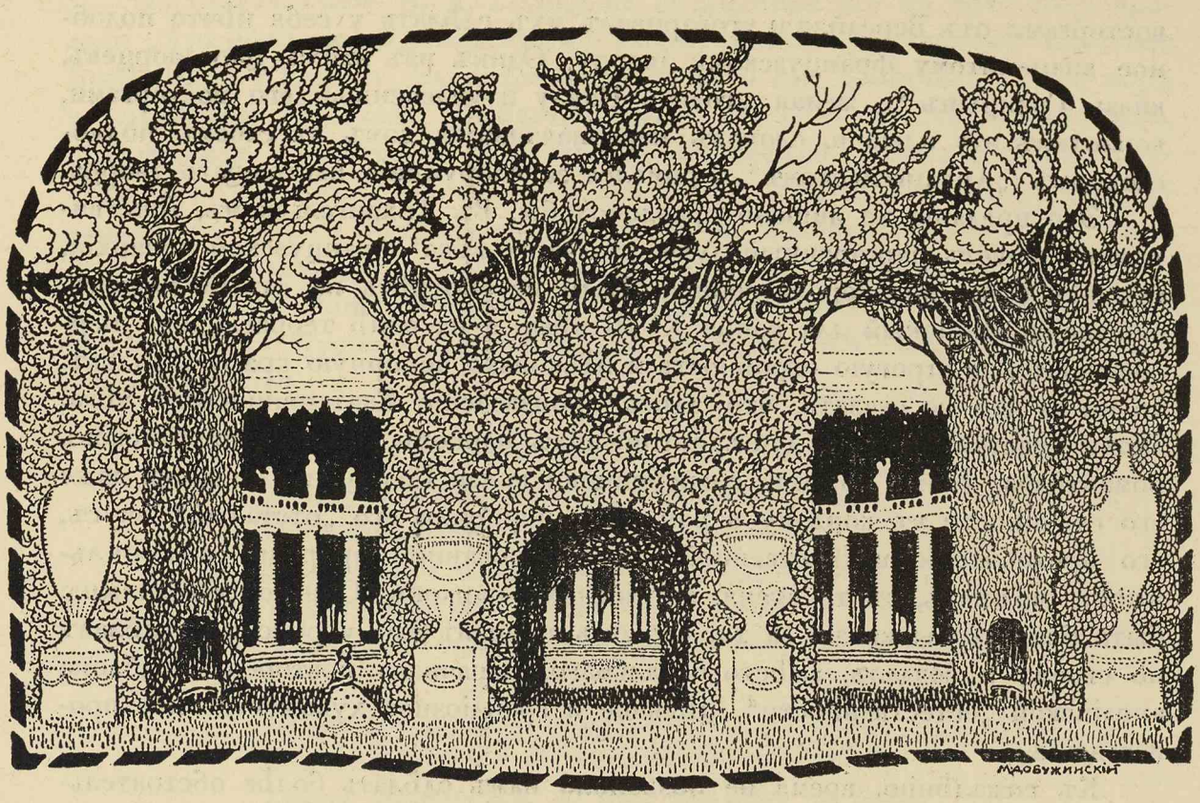


АРХАНГЕЛЬСКОЕ

Человѣкъ непосвященный, которому попались бы на глаза снимки съ „Архангельскаго", ни за что не сказалъ бы, что передъ нимъ виды Московской губерніи. — Это Италія, это какая-нибудь римская вилла, пожалуй еще какой-нибудь французскій замокъ, съ его террасами, tapis-vert, безчисленными мраморами, стриженными аллеями, но только не русскій барскій домъ въ окрестностяхъ первопрестольной. Лишь нѣсколько жидкій контуръ деревьевъ, и кое-гдѣ хвоя выдаетъ, что мы въ Россіи, а не въ блаженной Италіи.

Много было возведено всякихъ барскихъ дворцовъ и дачъ въ пышный вѣкъ Елизаветы и Екатерины II; нѣкоторыя изъ нихъ (напр., Кусково или Надеждино) еще грандіознѣе по размѣрамъ, нежели Архангельское, но нигдѣ такъ удачно не выразился величаво-благородный стиль того времени, нигдѣ такъ русскія копіи не приблизились къ своимъ западнымъ образцамъ, нигдѣ нѣтъ такой иллюзіи „заграницы" — края болѣе благодатнаго и культурнаго, нежели въ Архангельскомъ.

Въ семейныхъ преданіяхъ собственниковъ Архангельскаго сохранилось извѣстіе, что цесаревичъ Павелъ по возвращеніи своемъ изъ путешествія по чужимъ краямъ въ 1782 году не уставалъ дѣлиться съ приближенными

восторгами отъ Версайля и уговаривалъ ихъ сдѣлать у себя нѣчто подобное знаменитому французскому дворцу. Одинъ изъ этихъ царедворцевъ, князь Голицынъ [1]), желая угодить Павлу и увлеченный его восторгами, воплотилъ эту идею и, сломавъ первоначальный домъ въ своемъ подмосковномъ „Архангельскомъ", принялся за сооруженіе настоящаго дворца.

Это преданіе не лишено правдоподобія. Въ Архангельскомъ, дѣйствительно, живетъ царственный духъ „золотого вѣка" французской монархіи, какое-то отраженіе короля солнца. Если не смотрѣть на самый дворецъ, слишкомъ типичный для конца XVIII вѣка, а на однѣ террасы, на „перспективы", на строгую стройность и нѣсколько чопорную красоту садовъ, то ни за что не сказать, что здѣсь произведеніе Екатерининскаго вѣка, эпохи чувствительныхъ душъ, англійскихъ парковъ, первыхъ проблесковъ романтизма. Быть можетъ, современники князя Голицына дивились даже его склонности къ кордону и ранжиру, порицали его „отсталый" вкусъ, его предпочтеніе искусственной и регулированной природы натуральности модныхъ, въ то время, англійскихъ парковъ. Однако, мы должны быть благодарны князю за то, что онъ не внялъ этому ропоту, а сдѣлалъ по своему и создалъ, вмѣсто банальнаго, тысячнаго повторенія шаблона англійской „естественности", цѣльное и грандіозное художественное произведеніе.

Къ сожалѣнію, время не позволило намъ сдѣлать болѣе обстоятельныхъ изысканій о постройкѣ „Архангельскаго". Голицынскій архивъ, въ которомъ могли бы найтись свѣдѣнія о немъ, хранится въ недоступной въ зимнее время деревнѣ — въ сосѣднемъ „Архангельскому"—„Никольскомъ". Вотъ почему мы даже не освѣдомлены относительно имени строителя дворца. Преданіе на сей разъ рѣшительно ошибается, приписывая эту постройку Растрелли. Не говоря уже о томъ, что знаменитый зодчій Елизаветинскихъ временъ ко времени созданія „Архангельскаго" (послѣ путешествія Павла за границу) давно покоился въ могилѣ, самый стиль постройки,— строгій „Людовикъ XVI" скорѣе даже напоминающій „Empire",—безусловно говоритъ противъ Растрелли. Но, быть можетъ, преданіе, сдѣлавъ ошибку въ имени, не сдѣлало ее въ національности автора „Архангельскаго". Если Растрелли исключенъ безусловно, то наоборотъ имя его соотечественника Гваренги—сразу приходитъ на умъ при взглядѣ на строгую, чисто-архитектурную простоту фасада, на его типичныя, врѣзанныя въ плоскія стѣны, окна, на излюбленный Гваренгіемъ тосканскій ордеръ, на полукруглые выступы и круглый бельведеръ, такъ удачно перебивающіе строгую „кубичность" зданія. Правда, въ изданіи произведеній Гваренги не упоминается объ Архангельскомъ, однако это еще ничего не доказываетъ, такъ какъ далеко не всѣ постройки знаменитаго художника вошли въ эту книгу. Возможно и то, что Гваренги удовольствовался лишь тѣмъ, что далъ приблизительный планъ сооруженія, разработка же его и самая постройка была поручена какому-либо русскому ученику его.

---

[1]) Кн. Николай Алексѣевичъ (1751—1809). Шталмейстеръ, Сенаторъ, посолъ при Шведскомъ дворѣ. Отставленъ отъ службы въ 1798 году.

По смерти князя Н. А. Голицына наслѣдники его въ 1810 году продали „Архангельское“ знаменитому Екатерининскому вельможѣ Николаю Борисовичу Юсупову, въ потомствѣ котораго это помѣстье до сихъ поръ и находится. Переходъ „Архангельскаго“ въ родъ князей Юсуповыхъ, обладавшихъ несмѣтными богатствами, обезпечилъ превосходную сохранность этого цѣннаго произведенія искусства, требующаго для своей поддержки огромныхъ постоянныхъ затратъ. Во владѣніи князя Н. Б. Юсупова „Архангельское“ получило тотъ царственный блескъ и тотъ оттѣнокъ древняго Рима, которые сохранились въ значительной степени до нашихъ дней. Пушкинъ въ своей одѣ „къ вельможѣ“ такъ говоритъ объ Архангельскомъ:

...Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышишь благородной.
. . . . . .
Безлечно окруженъ Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ.
. . . . . .
Такъ вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ.

Дѣйствительно, въ Архангельскомъ дышишь какимъ-то особымъ воздухомъ, который волей-неволей заставляетъ забыть о всей мрачной и тупой прозѣ XX вѣка и перенестись въ чарующіе „дни Екатерины“.— Почти все осталось съ тѣхъ поръ на своемъ мѣстѣ и нигдѣ здѣсь не нарушаютъ поэзіи старины какія-либо безтактныя выскочки позднѣйшихъ эпохъ, такъ некстати портящія цѣльность впечатлѣнія въ другихъ нашихъ дворцахъ. — За особенное счастье слѣдуетъ считать и то, что войска Наполеона, шедшія по самому сосѣдству съ Архангельскимъ, не разорили его. Сосѣднія помѣстья „Ильинское“ и „Петровское“ пострадали отъ нихъ, въ Архангельское же заглянули жалкіе одинокіе мародеры, которые, не причинивъ никакого вреда, поплелись дальше. Этому радовалась и императрица Марія Ѳеодоровна, писавшая въ 1813 году Юсупову: „On m'avait assuré que Arkhanghelski n'avait pas été endommagé, et je m'en rejouissais, car c'est un bien beau lieu“.

Въ позднѣйшія времена (въ 30-хъ годахъ), впрочемъ, Архангельское лишилось одной изъ своихъ главныхъ достопримѣчательностей, драгоцѣннѣйшей картинной галлереи, перевезенной сыномъ князя Н. Б. Юсупова— Борисомъ Николаевичемъ—въ свой Петербургскій домъ, гдѣ эта галлерея

находится и понынѣ [1]). До того въ Архангельское пріѣзжали изъ Москвы всѣ любители прекраснаго—спеціально, чтобъ любоваться знаменитыми произведеніями живописи. Лучшія картины помѣщались въ такъ называемомъ зимнемъ павильонѣ и этотъ домъ былъ всегда открытъ для желающихъ. Особенно любила сюда пріѣзжать въ 30-хъ годахъ московская молодежь, неистово и восторжено поклонявшаяся красотѣ, доходившая въ своемъ культѣ Аполлона до языческаго благоговѣнія. Объ одной изъ такихъ поѣздокъ сохранилось воспоминаніе въ запискахъ Т. Пассекъ подъ 1833 годомъ.

„Они [2]) выѣхали часовъ въ 9 изъ Москвы. Великолѣпно свѣтило солнце, природа на каждой точкѣ дышала жизнью и нѣгою; на душѣ не было заботъ. Юноши мечтали, поэтизировали всю дорогу; душа Ritter'a [3]), немного элегическая, испарялась въ заунывныхъ звукахъ и дѣтскихъ фантазіяхъ. Они были какъ-то на мѣстѣ съ летавшими бабочками, съ зеленѣвшей травой, между которою подымались звѣздочки Иванова цвѣтка и фонарики цикорія. Ritter'у было 18 лѣтъ. Часа черезъ два коляска остановилась передъ прекраснымъ домомъ князя Юсупова. Я до сихъ поръ люблю Архангельское. Посмотрите, какъ милъ этотъ маленькій клочекъ земли отъ Москвы-рѣки до дороги. Здѣсь человѣкъ встрѣтился съ природой подъ другимъ условіемъ, нежели обыкновенно. Онъ отъ нея потребовалъ одного удовольствія, одной красоты и забылъ пользу; онъ потребовалъ отъ нея одной перемѣны декораціи, для того чтобы отпечатать духъ свой, придать естественной красотѣ красоту художественную, очеловѣчить ее на ея пространныхъ страницахъ: словомъ, изъ лѣса сдѣлать паркъ, изъ рощицы—садъ. Еще больше — гордый аристократъ собралъ тутъ растенія со всѣхъ частей свѣта и заставилъ ихъ утѣшать себя на сѣверѣ; собралъ изящнѣйшія произведенія живописи и ваянія и поставилъ ихъ рядомъ съ природою, какъ вопросъ: кто изъ нихъ лучше? Но здѣсь уже самая природа не соперничаетъ съ ними, измѣнилась, расчистилась въ арену для духа человѣческаго, который, какъ прежніе германскіе императоры, признаетъ только тѣ власти неприкосновенными, которыя уничтожались въ немъ и имъ уже возстановлены, какъ вассалы.

Бывали ли вы въ Архангельскомъ? ежели нѣтъ—поѣзжайте, а то оно, пожалуй, превратится или въ фильятурную фабрику, или не знаю во что, но превратится изъ прекраснаго цвѣтка въ огородное растеніе“ [4]).

Далѣе идетъ описаніе галлереи Архангельскаго:

„Террористъ Давидъ [5]) привѣтствовалъ ихъ атлетическими формами, которыя онъ думалъ возродить въ республикѣ единой и нераздѣльной 93-го года вмѣстѣ съ спартанскими нравами, о привитіи которыхъ хлопо-

---

[1]) Противъ дальнѣйшаго опустошенія Архангельскаго въ пользу Петербургскаго дома возсталъ императоръ Николай Павловичъ.

[2]) Компанія молодыхъ людей, только что окончившая университетъ и справившая это событіе веселой но скромной вакханаліей. Душой этой компаніи были, какъ извѣстно, Герценъ, Огаревъ и В. Пассекъ.

[3]) Н. М. Сатинъ.

[4]) Это пророчество, къ счастію, не исполнилось.

[5]) Картина Л. Давида: «Парисъ и Елена», находится теперь въ галлереи кн. Юсупова въ Петербургѣ.

талъ Сенъ-Жюстъ; а за ними открылся длинный радъ изящныхъ произведеній.

Глаза разбѣжались, изящные образы окружали со всѣхъ сторонъ. Уныніе смѣнялось смѣхомъ, Святое семейство — Нидерландской таверной, Дѣва радости—Вернетовскимъ видомъ моря. Пышный Гвидо Рени роскошно бросаетъ и краски, и формы, и украшенія, чтобы прикрыть подъ часъ бѣдность мысли, и суровые фанъ-Дейка портреты, глубоко оживленные внутреннимъ огнемъ, съ заклейменной думой на челѣ, и дивная группа Амура и Психеи Кановы, — все это вмѣстѣ оставило имъ воспоминаніе смутное, въ которомъ едва вырѣзываются отдѣльныя картины, оставшіяся, Богъ знаетъ почему, также въ памяти. Помнился, напримѣръ, портретъ молодого князя: князь верхомъ, въ татарскомъ платьѣ [6]); помнился портретъ дочери m-me Lebrun [7]). Она стыдливо закрываетъ полуребячью грудь и смотритъ тѣмъ розовымъ взглядомъ дѣвушки, которой уже немного поцѣлуй, который уже волнуетъ ея душу, чистую какъ капля росы на розовомъ листкѣ, и огненную какъ золотое аи.

Имъ некогда было разбирать все отдѣльно, да вѣроятно, это и невозможно: всякую галлерею надобно изучить въ одиночествѣ и притомъ разсматриваніе ея распространить на много и много дней. Довольные восторженностью, чистотою, въ какое ихъ привело созерцаніе изящнаго, они высыпали въ садъ, мимо мощныхъ воиновъ изъ желтаго мрамора, мимо гладіаторовъ, въ тѣнь аллей. День былъ южно-палящій жаромъ, все ликовало, жужжа летали пчелы, тонко перетянутыя, молча и съ величайшей граціей танцовали по воздуху пестрыя бабочки съ широкими рукавами, какъ барышни. Солнце faisait les honneurs de la maison, отогрѣвало сырую землю, эмалью покрывало листики цвѣтковъ, радостью наполняло все живущее и копошащееся въ травѣ, на воздухѣ, закуривало сигары и гордо не дозволяло себѣ смотрѣть въ глаза. Имъ все нравилось, даже на этотъ разъ романтизмъ ихъ не возмущался противъ подстриженныхъ деревьевъ, которыя важно и чопорно, какъ официанты прошлаго вѣка, въ парикѣ и французскихъ перчаткахъ, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги. Бѣлые мраморные бюсты выглядывали изъ-подъ нихъ.

Испеченные солнцемъ и утомленные ходьбой, молодые люди отправились въ комнаты студента. Небольшая зала, въ которой былъ приготовленъ обѣдъ, примыкала къ оранжереѣ, одна стеклянная дверь отдѣляла ихъ отъ нея; они отворили дверь, ихъ обдало благоуханіемъ юга. Дыханіе дѣтей пламенной природы располагало къ нѣгѣ и къ чувственно-огненнымъ страстямъ, къ dolce far niente.

Вино, принесенное со льда, на минуту прохладило ихъ, но, отлившая отъ сердца и головы, кровь возвратилась зажженнымъ спиртомъ, страсти расколыхались; имъ было непомѣстительно въ горницѣ—они вышли опять въ садъ и отправились въ бесѣдку на гору, у ногъ которой—Москва-рѣка.

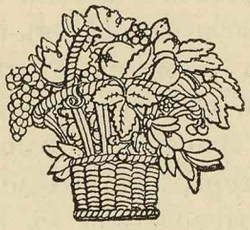
---

[6]) Портретъ этотъ кисти Гро, также теперь въ Петербургѣ.

[7]) Также въ Петербургѣ.

Рѣка тихо струилась узенькой ленточкой, довольная своимъ аристократическимъ именемъ; поля, лѣса, синяя даль, — природа именно этою далью, этою безграничностью приводитъ въ восторгъ, въ ея наружности отпечатлѣнъ тотъ характеръ безконечности, который заключенъ въ душѣ нашей, и они переплетаются встрѣтившись; но молодые люди не долго поэтизировали, вскорѣ разговоръ превратился въ шалость, въ хохотъ"...

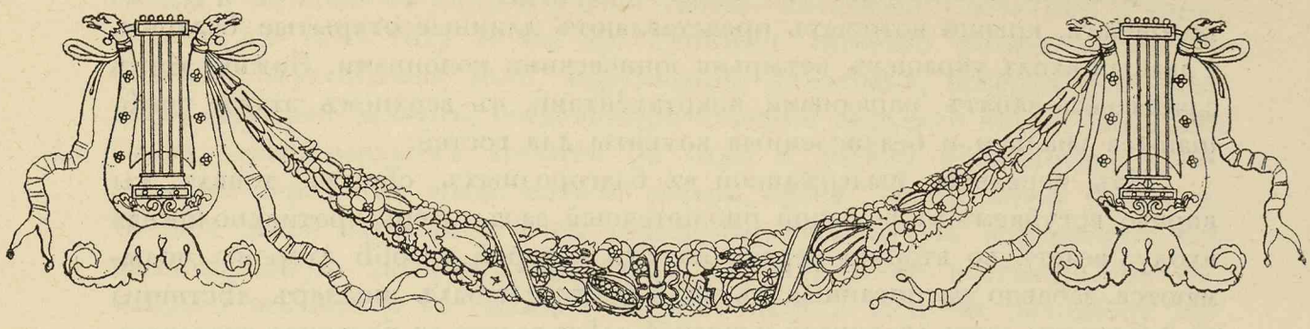
Не существуетъ, впрочемъ, и другой диковинки „Архангельскаго" двѣнадцати декорацій Гонзаги старшаго, построившаго и самый театръ для князя Юсупова [8]). При Голицыныхъ театръ находился вблизи Никольскаго. Когда же Н. Б. Юсуповъ пріобрѣлъ Архангельское, онъ велѣлъ построить для своей дворовой труппы [9]) новый театръ недалеко отъ главнаго дома, и для этого театра самъ знаменитый Гонзаго, доводившій до слезъ восторга современниковъ, создалъ нѣсколько лучшихъ своихъ композицій. Возможно, что висящая до нынѣ, сильно пострадавшая отъ времени, завѣса, изображающая портикъ коринѳійскаго ордера—послѣдній остатокъ этого великолѣпія. Въ газетѣ Кукольника 1837 г. мы находимъ слѣдующія строки, посвященныя этому театру: „Театръ, построенный по рисунку Гонзаго... и посвященный покойнымъ владѣльцемъ памяти сего знаменитаго художника, можно считать важнѣйшею достопримѣчательностью Архангельскаго села. Эта прелестная игрушка состоитъ изъ 22-хъ двумѣстныхъ ложъ съ внутреннимъ сообщеніемъ въ двухъ ярусахъ и изъ небольшого партера, и можетъ вмѣстить въ себѣ до 400 зрителей; но самая величайшая драгоцѣнность это 12 перемѣнъ декорацій, писанныхъ неподражаемой кистью Гонзаго; изъ уваженія къ художнику и, желая сохранить сколь возможно долѣе эту живопись, которая столь же быстро осыпается, какъ разноцвѣтныя украшенія на крыльяхъ мотылька, покойный владѣлецъ не позволялъ въ этомъ театрѣ сценическихъ представленій".



---

[8]) По полученнымъ нами только что свѣдѣніямъ декораціи эти сохранились, но лежатъ завернутыя въ кладовой.

[9]) Князь Н. Б. Юсуповъ былъ одинъ изъ самыхъ страстныхъ театраловъ своего времени и занималъ одно время постъ директора Императорскихъ театровъ.



Въ настоящее время „Архангельское“ принадлежитъ послѣдней представительницѣ знаменитаго рода князей Юсупова—княгинѣ Зинаидѣ Николаевнѣ Юсуповой, графинѣ Сумароковой-Эльстонъ, проживающей часть лѣта въ своемъ любимомъ подмосковномъ.

Отъ нѣкотораго запустѣнія, въ которое пришло „Архангельское“ при ея предшественникахъ, не любившихъ этого дворца и рѣдко навѣщавшихъ его, не остается и слѣда. Теперь снова все въ такомъ же блескѣ и порядкѣ, какъ во времена Н. Б. Юсупова: недавно произведена реставрація дворца, цвѣты и газоны содержатся въ удивительной свѣжести [10]), въ кадкахъ ростутъ густые померанцы, аллеи стригутся по всѣмъ правиламъ забытаго въ наше время искусства Ленотра. Хотя въ Архангельскомъ и нѣтъ больше его картинной галлереи, но все-же и до сихъ поръ оно содержитъ въ себѣ не мало первоклассныхъ художественныхъ произведеній, изъ которыхъ мы назовемъ здѣсь главнѣйшія.

Дворецъ выходитъ однимъ фасадомъ на дворъ, другимъ въ партеръ, двумя остальными прямо въ прилегающій къ дворцу паркъ. Въѣзжаешь во дворъ черезъ ворота, по обѣимъ сторонамъ которыхъ стоятъ двухъэтажные флигели; нижній этажъ ихъ со стороны двора росписанъ въ видѣ аркадъ и деревьевъ. Въ лѣвомъ флигелѣ находятся кладовыя, въ правомъ нашло себѣ помѣщеніе [11]) рѣдчайшее собраніе экипажей XVIII вѣка. Изъ этихъ экипажей нами воспроизведена въ „Художественныхъ Сокровищахъ Россіи“ (Т. III) карета Бориса Григорьевича Юсупова, а нынѣ мы помѣщаемъ карету княгини Ирины Михаиловны (урожд. Зиновьевой) супруги князя Бориса Григорьевича. Во временной же библіотекѣ стоитъ и курьезная раскрашенная фигура Ж. Ж. Руссо, заимствованная съ рисунка Моро́ младшаго, изображающаго послѣднія минуты знаменитаго писателя. Гдѣ стоялъ прежде этотъ любопытный памятникъ философскихъ увлеченій Николая Борисовича—намъ не удалось узнать.

---

[10]) Оранжереи Архангельскаго славились еще въ до-петровское время.

[11]) Знаменитая Голицынская библіотека въ Архангельскомъ была распродана княгиней Маріей Адамовной (урожд. Олсуфьевой). Библіотека кн. Н. Б. Юсупова состояла изъ 30.000 томовъ, среди которыхъ до 500 элзевировъ Среди инкунабуловъ особенной драгоцѣнностью слыла Библія 1462 г., перенесенная въ Петербургскій домъ.

Флигели соединены съ главнымъ домомъ посредствомъ крытыхъ колоннадъ, крыши которыхъ представляютъ длинные открытые балконы. Главный входъ украшенъ четырьмя іоническими колоннами. Нижній этажъ зданія весь занятъ парадными апартаментами, въ верхнемъ этажѣ помѣщаются спальни и безчисленныя комнаты для гостей.

Изъ передней, выдержанной въ благородныхъ сѣрыхъ тонахъ, мы вправо вступаемъ въ большой библіотечный залъ; дверь, противуположная входу, ведетъ во вторую переднюю, отъ которой въ обѣ стороны подымаются, забавно расписанныя въ видѣ растительныхъ шпалеръ, лѣстницы во 2-й этажъ; дверь въ первой передней слѣва ведетъ въ большую столовую, украшенную массой портретовъ и огромной картиной Дуаэна (Doyen). Изъ библіотеки, уставленной по всѣмъ стѣнамъ большими шкафами (недавно сдѣланными, но строго выдержанными въ общемъ стилѣ дворца), мы вступаемъ въ угловой восьмиугольный залъ или „вторую комнату Гюбера-Робера", названной такъ потому, что здѣсь висятъ четыре превосходныхъ панно знаменитаго французскаго живописца. Возможно, что эта комната въ старину служила вольерой; на это намекаетъ прелестная клѣтка начала XIX вѣка, стоящая на росписной подпоркѣ посреди и плафонъ изображающій всевозможныхъ птицъ.

Изъ комнаты Робера мы вступаемъ въ большой античный залъ. Здѣсь виситъ нѣсколько картинъ болонской и давидовской школы [12]) и стоятъ нѣсколько антиковъ, среди которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ первоклассный колоссальный бюстъ Нерона въ видѣ Діониса, а также повтореніе знаменитаго спящаго Гермафродита. По другую сторону Античнаго зала находится „первая комната Гюбера-Робера", также украшенная четырьмя картинами этого великаго декоратора. Посреди ея стоитъ бѣломраморная копія съ Бушардоновскаго Купидона [13]). Отъ этого углового зала начинаются комнаты, расположенныя по южному садовому фасаду дворца. Сначала мы вступаемъ въ великолѣпную, отдѣланную серебромъ и голубымъ, спальню герцогини Курляндской [14]); далѣе идетъ „портретная" комната, вся увѣшанная любопытными изображеніями членовъ Императорскаго Дома. Среди этихъ портретовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ превосходный терракотовый медальонъ Екатерины II, исполненный славной ученицей Фальконета дѣвицей Колло, а также портретъ императрицы Елизаветы, писанный И. Аргуновомъ, ея же конный портретъ—работы Грота, портретъ цесаревича Павла въ адмиральскомъ мундирѣ, портретъ Александра I въ латахъ работы Вичи, портретъ Алек-

---

12) Огромная картина Mongez'а «Похищеніе дочерей Левкиппа», «Даная и Амуръ» Тревизани, «Сонъ Младенца Христа» Гвидо Рени и др.

13) Эта статуя перенесена недавно въ паркъ, а на мѣстѣ ея поставлена другая.

14) Сестры князя Николая Борисовича — Евгеніи Борисовны, бывшей съ 1774 г. замужемъ за Петромъ Бирономъ герцогомъ Курляндскимъ, умершей въ 1780 г. Бракъ ея, вызванный политическими соображеніями Екатерины II, былъ очень несчастливъ. Петръ Биронъ добился развода, и послѣдніе два года герцогиня прожила въ Петербургѣ. По смерти ея все ея приданное было возвращено князю Юсупову, который и посвятилъ впослѣдствіи ея памяти комнату въ Архангельскомъ, въ которой находится ея (?) кровать и часть ея другихъ вещей.

сандра I на конѣ въ сопровожденіи свиты—писанный Свебахомъ и Ризенеромъ въ 1878 году и мн. др. Середину садоваго фасада занимаетъ большой двухсвѣтный залъ, окруженный колоннами, поверхъ которыхъ идетъ круглый балконъ, соединяющій комнаты верхняго этажа. Видъ изъ оконъ этихъ верхнихъ комнатъ на сады и долину рѣки-Москвы, блистающей серебромъ среди сочной зелени полей, невыразимой прелести. Четыре двери залы ведутъ: въ только-что упомянутую портретную, въ вышеназванную „вторую переднюю", въ садъ и въ гостиную. Въ послѣдней комнатѣ и въ смежной съ ней спальнѣ княгини находится нѣсколько превосходныхъ картинъ Гюбера Робера, Жозефа Вернэ, ванъ-Гойена, Греза и друг., а также роскошная мебель, среди которой особенно замѣчательно наборное бюро времени Людовика XV, украшенное превосходной бронзой.

Въ послѣдней угловой комнатѣ собрана цѣлая коллекція изящныхъ головокъ графа Ротари и Греза. Рядомъ находится совершенно простой кабинетъ князя.

Знаменитые сады Архангельскаго, расположенные рукой неизвѣстнаго, но безспорно первокласснаго, художника, состоятъ изъ партера, разстилающагося прямо передъ домомъ и огромнаго парка, окружающаго его со всѣхъ сторонъ. Партеръ состоитъ изъ трехъ уступовъ; край каждаго уступа украшенъ балюстрадой, на которой стоятъ статуи и бюсты. Не мало статуй, новыхъ и старыхъ, расположено и въ другихъ частяхъ сада. Третій уступъ, кончающійся обрывомъ надъ долиной рѣки Москвы состоитъ весь изъ сплошнаго газона, являющагося удивительно удачнымъ подражаніемъ знаменитому tapis-vert Версайля и служащій вмѣстѣ съ силуэтами двухъ конечныхъ павильоновъ (лѣтняго и зимняго) [15]), прекраснымъ обрамленіемъ роскошной залитой свѣтомъ панорамы, разстилающейся на много верстъ кругомъ и вдаль. Этотъ видъ—единственный по своей красотѣ! Газонъ заключенъ съ обѣихъ сторонъ гранеными стѣнами темно-зеленыхъ липъ, въ тѣни которыхъ ютятся бѣломраморные бюсты и статуи.

Прямо противъ дворца стоитъ у самаго обрыва колонна съ бронзовымъ орломъ, поставленная здѣсь въ память посѣщенія Архангельскаго императоромъ Николаемъ II. Другія подобныя же колонны, разставленныя въ разныхъ мѣстахъ сада, увѣковѣчиваютъ посѣщенія императоровъ Александра I, Николая I, Александра II и Александра III. Въ отдѣльномъ храмикѣ справа отъ дворца стоитъ превосходная бронзовая статуя Великой Екатерины—работы неизвѣстнаго мастера, но болѣе всего напоминающая произведенія Рашета. Справа же отъ дворца стоитъ и отдѣльный павильонъ, носящій названіе Каприза, о которомъ сохранилось преданіе, что онъ построенъ княгиней Голицыной, не желавшей жить подъ одной кровлей со

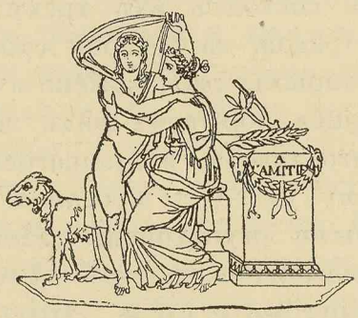
---

[15]) Въ зимнемъ павильонѣ помѣщалась въ старину значительная часть галлереи. Теперь здѣсь виситъ хорошая, но не особенно пріятная картина С. Торелли «Венера, оплакивающая Адониса», нѣсколько портретовъ Наттіэ и рѣдкій для Герарда Доу миѳологическій сюжетъ.

своимъ мужемъ. Въѣздъ изъ парка въ партеръ украшенъ великолѣпной руиной, изображающей остатки древнеримской тріумфальной арки.

Въ паркѣ, широко раскинувшемся во всѣ стороны и мѣстами переходящемъ въ лѣсъ, стоятъ нѣсколько дачъ, знаменитый театръ Гонзаго, мраморная бесѣдочка, которая славится своимъ видомъ на Москву-рѣку и церковь во имя Архангела Михаила. Изъ дачъ особенно любопытна одна старинная, построенная надъ какими-то воротами и уставленная внизу четырьмя уродливыми, поломанными статуями. Очевидно, это остатки какой-то роскошной затѣи, сохраняемой нынѣшнимъ владѣльцемъ, какъ трогательный свидѣтель давно минувшихъ временъ.

Б. Веніаминовъ.



ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Необходимость настоящаго отдѣла, соотвѣтствующаго отдѣламъ „La Cimaise", „Note Book" и т. п. въ иностранныхъ журналахъ, давно уже ощущалась нами. — Сюда должны попасть вещи, интересныя для исторіи русскаго или иностраннаго искусства, но не укладывающіяся въ какія-либо рубрики, или въ отдѣльныя монографіи, которымъ будетъ посвящаться большая часть нашихъ номеровъ. — Сколько интереснаго пропадаетъ и остается неизвѣстнымъ только потому, что издатели имѣя, свѣдѣнія о предметахъ и возможность воспроизвести ихъ, затрудняются оправдать ихъ помѣщеніе какой-либо „систематичностью".

Нѣчто подобное нами было предпринято въ первыхъ номерахъ „Художественныхъ Сокровищъ Россіи", когда мы въ умышленной перемежкѣ давали самыя разнородныя художественныя произведенія. Однако мало-помалу упреки въ отсутствіи системы заставили насъ въ „Сокровищахъ" всецѣло перейти на монографіи. Теперь, сохраняя неприкосновенной систему монографій, мы возвращаемся въ то же время и къ безсистематичной „Смѣси" и надѣемся, что этотъ новый отдѣлъ нашъ вскорѣ оправдаетъ свое существованіе.

Здѣсь мы будемъ давать отдѣльные любопытные предметы, найденные нами не только у собирателей или въ музеяхъ, но и у лицъ, не обладающихъ настоящими систематичными коллекціями, но обладающихъ отдѣльными произведеніями искусства. Сюда попадутъ драгоцѣнные художественные памятники, обреченные на уничтоженіе, новыя пріобрѣтенія музеевъ, новыя открытія исторіи искусства. При этомъ мы будемъ стараться, чтобы всѣ художественныя отрасли были представлены въ извѣстной соразмѣрности, безъ перевѣса въ какую-либо сторону. Рядомъ съ картинами, мы будемъ помѣщать рисунки и рѣдкія гравюры, рядомъ съ общими видами архитектурныхъ памятниковъ — любопытные детали, рядомъ съ произведеніями „чистой" скульптуры—декоративные фрагменты, предметы прикладнаго искусства и проч., и проч. За „raison d'être" того или иного предмета въ этомъ отдѣлѣ — будетъ принята его индивидуальная цѣнность.

Иллюстраціи будутъ играть главную роль въ отдѣлѣ „Художественно-Историческіе матеріалы", но мы предполагаемъ, всякій разъ, когда представится возможность, спровождать эти иллюстраціи краткими пояснительными свѣдѣніями. Кромѣ того, мы разсчитываемъ помѣщать въ текстѣ и самостоятельные художественные матеріалы, какъ-то: письма художни-

ковъ, интересные документы, касающіеся художниковъ и художественныхъ памятниковъ, автобіографическія свѣдѣнія и т. п.

Особенное сочувствіе, мы убѣждены, вызоветъ и рубрика „Вопросы и отвѣты"—родъ „почтоваго ящика" по вопросамъ исторіи искусства. Редакція въ этой рубрикѣ будетъ обращаться съ просьбами сообщать свѣдѣнія о всевозможныхъ художественныхъ загадкахъ, и помѣщать полученные на эти просьбы отвѣты. Такимъ способомъ мы надѣемся выяснить не мало сомнительныхъ или загадочныхъ вопросовъ: опредѣлить неизвѣстныхъ авторовъ, опредѣлить неизвѣстныя изображенія, вернуть на свѣтъ пропадшія или пропадающія вещи и мн. др. Когда нужно, вопросы и отвѣты будутъ сопровождаться соотвѣтствующими иллюстраціями.

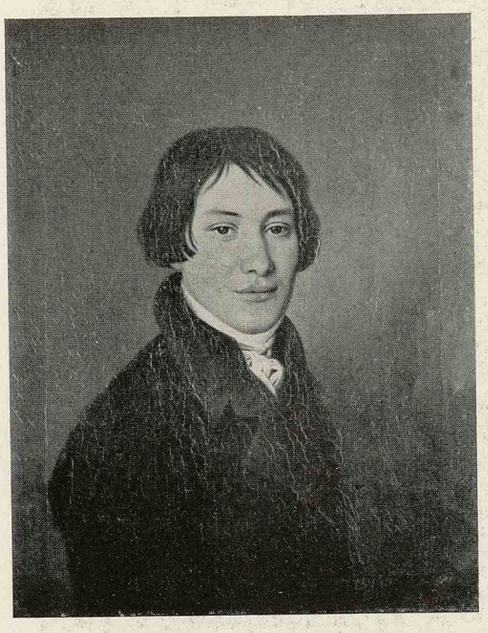
На первый разъ мы даемъ рядъ снимковъ съ новыхъ пріобрѣтеній Музея Александра III и новыхъ поступленій въ него. Особеннаго интереса заслуживаютъ два превосходныхъ портрета Николая Аргунова, изображающихъ двухъ Серпуховскихъ купцовъ Варгиныхъ, разбогатѣвшихъ благодаря подрядамъ во время отечественной войны; необычайно живой и красивый портретъ госпожи Арсеньевой Боровиковскаго и портретъ О. Кипренскаго (отмѣченъ 1827 годомъ), изображающій извѣстнаго въ свое время богатаго помѣщика отставного генералъ маіора К. Н. Альбрехта, сидящаго въ паркѣ своего имѣнія „Котлы", Петербургской губерніи. Въ каменномъ домѣ этого помѣстья портретъ находился до послѣдняго времени. Онъ подписанъ монограммой О: К: Другія воспроизведенныя нами вещи, за исключеніемъ мужскаго портрета Боровиковскаго, поступили въ даръ отъ княгини М. К. Тенишевой, продолжающей постоянно добавлять свое собраніе русскихъ акварелей, которому отведены два зала Музея. Слѣдуетъ быть особенно благодарнымъ за даръ превосходной пастели В. А. Сѣрова, такъ какъ этотъ лучшій современный русскій мастеръ до сихъ поръ представленъ въ нашемъ національномъ Музеѣ—странное дѣло—всего только однимъ небольшимъ портретомъ и одной незначительной акварелью. — Большой акварельный портретъ Врубеля, изображающій супругу художника въ роли царевны Волховы, является также до сихъ поръ единственнымъ, къ сожалѣнію, далеко не характернымъ произведеніемъ великаго и несчастнаго мастера въ Музеѣ, посвященномъ русскому искусству.—Акварель Александра Бенуа „La pièce des suisses" *)—входитъ въ серію его „Послѣднихъ прогулокъ Людовика XIV въ Версайлѣ", исполненныхъ въ 1897/98 г. въ Парижѣ **). Наконецъ наше скудное собраніе славной финляндской живописи пополнилось жизненной, полной морской свѣжести, акварелью Магнуса Энкеля.

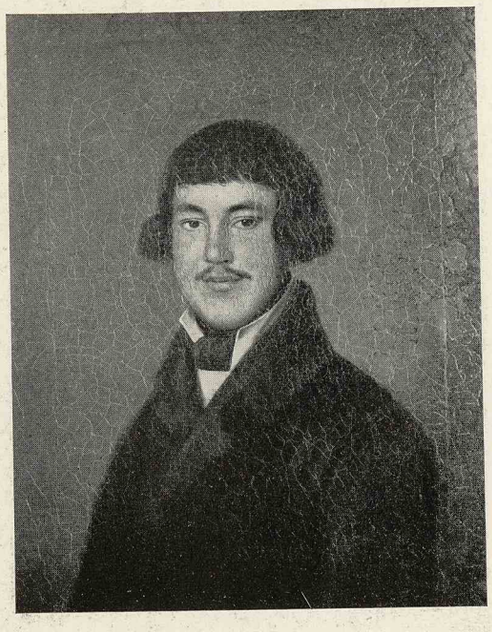
*) Такъ называется большой прудъ, лежащій къ юго-западу отъ Версайльскаго дворца.

**) Часть этихъ акварелей уже находилась въ Музеѣ Александра III. Другія четыре принадлежатъ графу Д. И. Толстому, С. С. Боткину, княгинѣ М. К. Тенишевой и г. Русову въ Одессѣ.

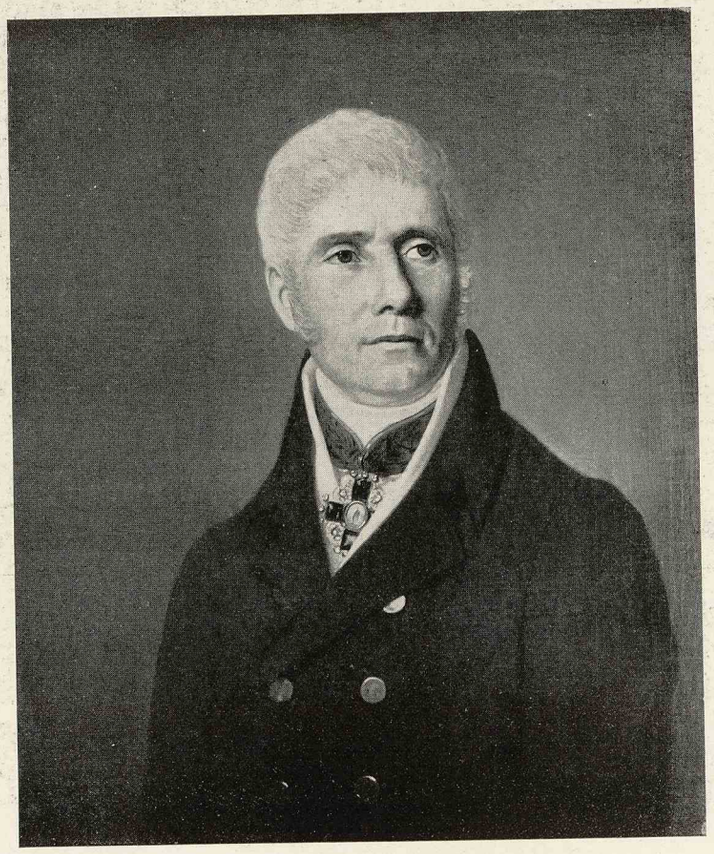
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Февраля 1904 г. Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.

В. Л. Боровиковскій.
Портретъ госпожи Арсеньевой.
Wladimir Borovikovsky (1757—1825).
Portrait de Madame Arsenief.





Н. И. Аргуновъ. Портреты братьевъ Варгиныхъ.
N. Argounof. Portraits des frères Varguine.

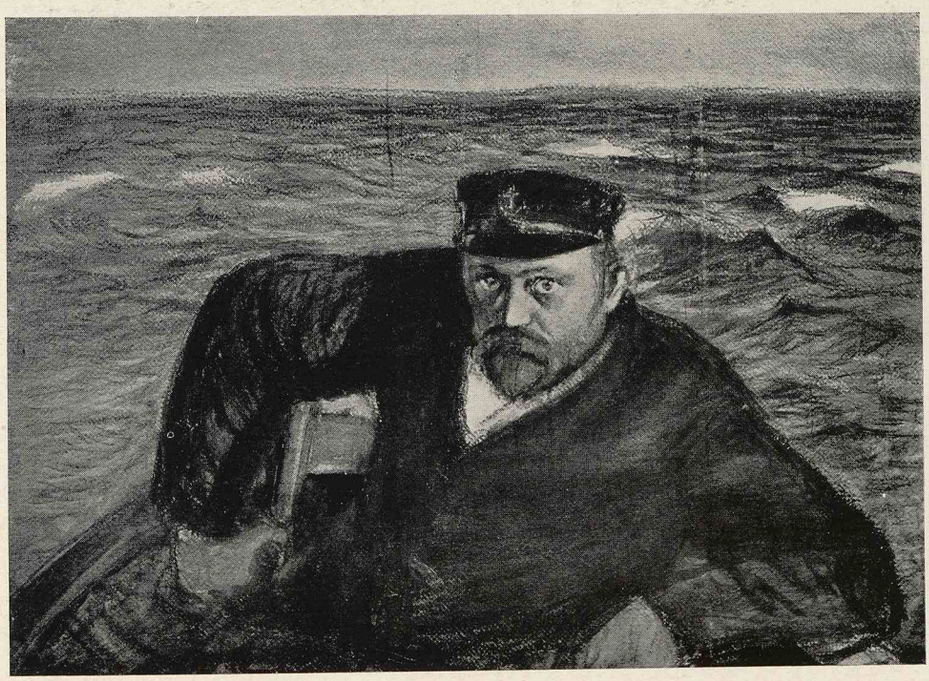


В. Боровиковскій. Мужской портретъ.
W. Borovikovsky. Portrait d'homme.

О. А. Кипренскій. 1827 г.
Портретъ К. Н. Альбрехтъ.
Oreste Kiprensky (1783—1836).
Portrait de Mr Albrecht.

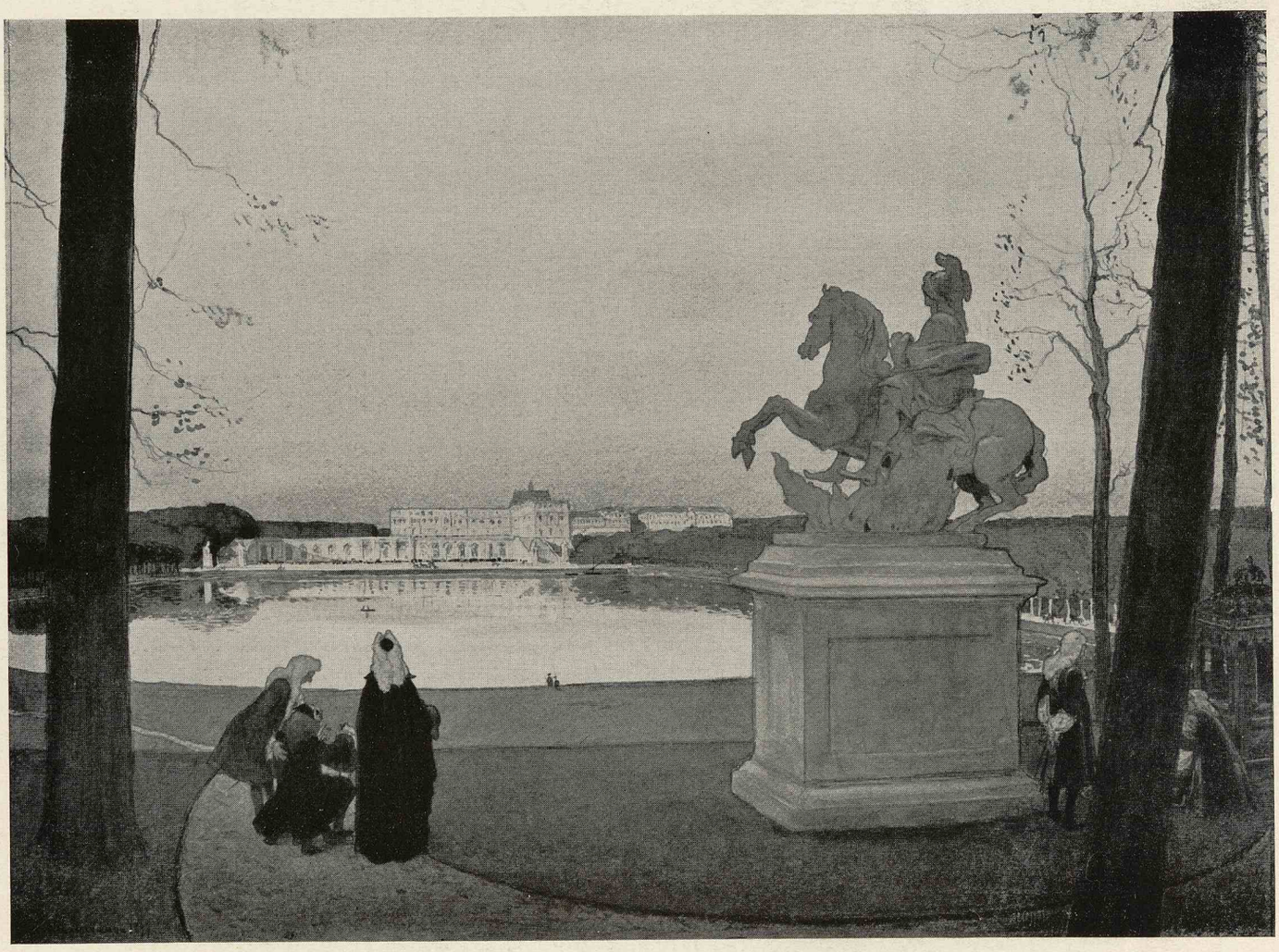
М. А. Врубель.
Портретъ жены художника.
Michel Vroubel.
Portrait de M-me Vroubel en costume de théâtre (aquarelle).

В. А. Сѣровъ. Зима (пастель).
Valentin Sérof. L'Hiver (pastel).



М. Энкель. Морякъ (акварель).
M. Enckell. Un marin (aquarelle).

Даръ княгини М. К. Тенишевой въ Музей Императора Александра III.
Don de la princesse Tenichef au Musée Alexandre III.



Александръ Бенуа. Версайль.
Alexandre Benois. La pièce des suisses.